

Моск. правда - 1992 - 4 июня

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА С НАДЕЖДОЙ НА ОТВЕТ

Эльдару Рязанову и не только ему

Дорогой Эльдар Александрович!

Я нежно люблю Вас как режиссера и человека — за талант, за остроумие, за обаяние, против которого не устоит ни одна женщина — от старой до малой. Я не пропускаю ни одного Вашего фильма и никогда не обманываюсь в своих ожиданиях. Не обманула меня и Ваша серия телевстреч «Восемь девок, один я», по-рязановски добрая, по-рязановски светлая. Но до чего же грустно было смотреть в Ваши изменившиеся, такие тревожные глаза, видеть, как Вы, закаленный в боях мужик, испуганно, по-детски припадаете на грудь то одной, то другой своей героини, а они — совсем не похожие на кинозвезд, усталые, затурканные бабы — по-матерински утешают Вас, как испокон веков утешали русские женщины своих надорвавшихся в борьбе за лучшую жизнь, растерявшихся мужчин: «Ничего, милый, все образуется; не такое переживали».

Что с Вами, откуда эта растерянность, эта неожиданная тоска по брежневской эпохе, когда Вас мордовали и унижали, и резали Ваши фильмы, и сами Вы, не щадя сил, бились ради сокрушения этой самой эпохи? Откуда такой страх перед сегодняшним днем? О ком, как не о Вас, можно сказать словами песни: «Этот день мы приближали как могли!» Неужели Вы полагали, что бесподобная партерстка, которую так блестяще сыграла Ия Саввина в Вашем «Гараже», сама собой исчезнет из нашей жизни; что не приспособится к условиям «начального капитализма» директриса рынка, а граф Мерзляев покаянно рухнет на колени посреди Лубянки: «Прости меня, мир православный!». Что народ, который 70 лет иступленно, из последних сил, задыхаясь, на карачках полз в ТЮРЬМУ, в одночасье воспрянет духом, обретет гордость и человеческое достоинство? Плохо верится в такое Ваше прекрасное доверие. Невольно приходит в голову предположение: не сыграл ли Рязанов с присущим ему лукавством роль растерявшегося Рязанова — российского интеллигента, еще вчера горделиво считавшего себя «инакомыслящим», а сегодня вдруг ослабевшего, уставшего, впавшего в безнадежное отчаяние?

Да, что-то случилось с нашей интеллигенцией, вдруг затосковавшей по своей загаженной, ржавой, многократно проклятой брежневской клетке. Добро бы с той «интеллигенцией», что благополучно жирела на сытных партийных хлебах и, плотно усевшись в руководящие кресла, сама себя награждала незаботанными степенями и незаслуженными званиями, сама себя издавала, закупала, восхваляла... Тому, что ЭТА «интеллигенция» места себе не находит и волком воет о потерянном рае, удивляться не приходится. Удивляет подлинная интеллигенция, казалось бы, не выдавшая в прошлом ничего, кроме унижений. Она-то почему впадала в отчаяние, она-то

с чего завздыхала о годах «этого... как его, «кровавого большевистского режима», когда бутерброд с сыром стоил 10 копеек и людей на улицах убивали значительно реже», — как ностальгически иронизирует Илья Смирнов в «Семи днях» (№ 21, май, 1992)? Неужели память у нас так коротка, что, кроме бутерброда с сыром за 10 копеек, мы уже ничего не помним из собственного прошлого всего пятилетней давности?

Да, была такая цена за бутерброд с сыром — там, где был сыр, поскольку — позволю себе напомнить Илье Смирнову — в большинстве российских городов уже к 1980 году о сыре, равно как о мясе, масле и прочем, давно забыли и ездили за сыром в Москву — этот заповедник социалистического изобилия. Да, мы редко слышали об убийствах. Невзоров в «600 секундах» не показывал нам с садистическим удовольствием детских трупиков, найденных в мусорных ящиках. Говорухин не кричал надрыбно: «Так жить нельзя!», а умилял милиционером Шараповым (Конкиным) в детективе «Место встречи изменить нельзя». Солдатские матери не стояли у Кремля с портретами погибших сыновей — о прелестях советской армии мы узнавали из слащаво-розовой телепередачи «Служу Советскому Союзу». Знали ли мы, что чьим-то (Устинова? Брежнева?) установлением допускались четыре процента потерь при проведении армейских маневров? Четыре солдата из каждых ста были «запланированы» погибнуть или получить ранения. А сколько таких сотен ежегодно участвовало в маневрах? Сколько вообще солдат не возвращались домой или возвращались инвалидами? Мой сын служил всего три месяца в стройбате, после чего был комиссован с тяжелой травмой. Так вот, только за эти три месяца погибли пять человек. Да одного вынули из петли, по счастью, еще жи-

вым. Такой вот «бутерброд за 10 копеек».

«Империей зла» назвал нашу страну Рональд Рейган. «Империей лжи» следовало бы назвать ее, что, впрочем, одно и то же, поскольку отцом лжи является, как известно, прародитель зла — дьявол. Но жить в теплом тумане лжи было, оказывается, куда комфортнее, чем на ледяном сквозняке правды.

Правда обрушилась на нас, как снежная лавина, оглушила, переполнила душу через край, так что душе уже не вмоглоту. Душа затыкает уши и кричит: не надо, хватит.

Так что же мы такое и чем были все минувшие годы — не диссиденты, а просто порядочная по нашим понятиям интеллигенция, как Вы, Эльдар Александрович, и я, и большинство художников, писателей, искусствоведов нашего поколения? По большому счету мы были приспособленцами. Мы слушали, продираясь через «глушилку», голос радиостанции «Свобода», тайком, оглядевшись по сторонам, передавали друг другу «Архипелаг ГУЛАГ»; шепотом на кухне кляли партию и правительство. И если не состояли в партии (а многие состояли), то были вполне лояльны к ней, получали из ее дрожащих от застарелого пьянства рук скудные и не очень счастливы, и бегали в партком, в райком, в ЦК за милостивым разрешением выпустить на экраны фильм, съездить за границу. Подобно средневековым шутам мы лавировали между пинками и подачками, лукавили и придуривались. Научились сами и научили своих читателей, зрителей, слушателей эзопову языку, игре подтекстов и аллегорий, чтению между строк. Равновесие, малому: за слово протеста прощали художнику, в том числе самим себе, любые профессиональные слабости. К Вам, Эльдар Александрович, это не относится: Вы всегда были профессионалом, но разве мало состряпали мы книг, фильмов, спектаклей, ничем, кроме кукиша в кармане, не выделявшихся из серого уровня совмаскульта? И разве не сами мы возводили их на пьедестал только за то, что, вернувшись с премьеры «Трех сестер», можно было позвонить подруге: «Понимаешь, Ольга говорит Маше: «Полковник Вершинин из Москвы», а у него в руках авоська с апельсинами и колбасой!». В империи лжи и ТАКОЕ сходило за правду. И за искусство.

Могли ли мы быть иными? С первых лет нашей сознательной жизни Система заключала с бу-

дущим интеллигентом кабальный договор: хочешь получить направление в вуз — вступай в комсомол. Хочешь сдать госэкзамены, поступить в аспирантуру, защитить кандидатскую диссертацию — отбарабань, как попугай, заученный назубок «Краткий курс». Хочешь чего-то достигнуть, что-то возглавлять — вступай в партию. Ряд специальностей и должностей были для беспартийных просто закрыты: не только такие сферы деятельности, как политика, международные отношения, право, но и почему-то востоковедение, эстетика, ставшая у нас исключительно «марксистско-ленинской». А беспартийный не мог быть даже директором овощной базы.

Перед каждым порядочным интеллигентом вставал гамлетовский вопрос «быть или не быть». Или, продираясь сквозь все компромиссы, ценой уступок и сделок с совестью как-то противостоять Системе и заниматься любимым делом; или спасти душу, но пожертвовать любимым делом, отдать искусство, науку в полное владение Ее Величества лжи. Писатели, художники — те еще могли работать в расчете на «самиздат», на подпольные выставки. А что было делать режиссеру, актеру театра и кино, искусствоведам? Для них диссидентство означало конец профессионального творчества, во всяком случае, в пределах СССР. Я вспоминаю все это не для того, чтобы оправдывать наш конформизм и выдавать его за героизм. Я только хочу напомнить, в каком перевернутом мире жили мы еще вчера, на каком балу Сатаны вынуждены были плясать с самого детства.

Конформизм есть конформизм. Можно долго попрекать им советскую интеллигенцию. Но нельзя забывать другого: традиции русской культуры сохранила, дотянула до наших дней эта самая интеллигенция. Искусствоведы будущего поразятся взлету искусства в СССР в 1960—1980-е годы: Попков, Аветисян, Абуладзе, Даниеля, Шнитке, Шукшин, Высоцкий, Товстоногов, Эфрос, Евстигнеев, Лебедев, Фрейндлих — список может быть очень длинным. Я называю лишь тех, кто не был изгнан, не мыкался по ссылкам, не сидел в «психушке», вынес не более того, что вынесли все. Из гнилого болота выросло подлинное, без всяких скидок ЧЕСТНОЕ искусство. Трудно переоценить его значение для обольщенного, оглушенного, ослепленного народа: песни Окуджавы и Высоцкого очищали сердца; душу переворачивали книги Абрамова и Трифо-

нова; встраивали от похмельного сна фильмы Шенгеля, Рязанова. Некоторые произведения становились явлением нравственного порядка, общественным очищением: «И дольше века длится день» Айтматова, «Калина красная» Шукшина, «Прощание с Матерой» Распутина, «Покаяние» Абуладзе.

Система рухнула. Но неужели и наше поколение рухнуло вместе с ней? Наше психологическое состояние напоминает психологическое состояние ветеранов, ностальгически тоскующих по войне, — не по фашистскому нашествию, конечно, но по своему противостоянию фашизму, по СЕБЕ на войне — молодым, сильным, изначально правым. Но, подобно им, мы должны, мы обязаны найти свое место в мирной жизни.

Негоже нам доживать век старыми политикаторскими, что, гремя истлевшими кандалами, надоедают всем и каждому своим брюзжанием, жалобами на недостаточное признание своих заслуг, обидами на молодое поколение, на мир, что изменился к худшему... Их снисходительно терпят, им строят богадельни улучшенного типа, их хоронят на престижных кладбищах, облегченно вздохнув: «Спи спокойно, дорогой товарищ!».

Нет, это не про нас. Нам рано хоронить самих себя. Мы ведь дожили до неслыханного счастья, до воплощения заветных своих надежд — гибли Системы! Подумать только — мы можем не в тюрьме, не в эмиграции, а дома, в России, БЫТЬ НОРМАЛЬНЫМИ ЧЕСТНЫМИ ЛЮДЬМИ! Какие трудности, какие высокие цены, какое за сильное низкопробных фильмов на экранах и порнографических книжонках в переходах способно заглушить это счастье: быть в России не диссидентом и не шутком, а НОРМАЛЬНЫМ ЧЕСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ! Да, жить сейчас трудно, тревожно, опасно, но, право же, не труднее и не опаснее, чем было все 70 лет. Не с чего нам впадать в тоску, дорогой Эльдар Александрович. Мы прожили жизнь как могли — по условиям нашего существования не худшим образом; сделали все, что смогли, и не так уж мало. Каким бы противоречивым, трагическим ни был сегодняшний день, какая бы дрянь и мразь ни всплывала на поверхность взбаламученного водоема — это НАШ ДЕНЬ.

Тяните же свой крест, счастливый Вы наш!

С уважением и любовью

М. ЧЕГОДАЕВА.